Актуальные проблемы правового регулирования государственной монополии на осуществление внешнеэкономической деятельности

ДОРОНИНА Наталия Георгиевна, и. о. заведующей отделом международного частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: gis.doronina@yandex.ru

СЕМИЛЮТИНА Наталья Геннадьевна, заведующая отделом гражданского законодательства иностранных государств Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: foreign3@izak.ru

Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в России и за рубежом в ходе проведения экономических реформ основывается на применении института государственной монополии внешней торговли. Изменения в международно-правовом регулировании, которые произошли под влиянием глобализации экономических отношений (создание Всемирной торговой организации), показали, насколько важную роль играет этот правовой институт в условиях либерализации международной торговли. Об этом свидетельствуют и новеллы российского законодательства в данной сфере, касающиеся гражданско-правовых договоров как правовой формы реализации социальных функций государства.

В статье анализируются современная практика обращения к институту государственной монополии внешнеэкономической деятельности, правовые формы ее организации, в которых государство исторически реализовало свои функции по защите национальных интересов, современные методы осуществления международного оборота в зарубежном законодательстве, а также основные инструменты регулирования отношений в указанной сфере деятельности — международные договоры и договоры гражданского права.

Ключевые слова: внешняя торговля, внешнеэкономическая деятельность, государственная монополия, соглашение о защите инвестиций, разрешение инвестиционных споров.

Для цитирования: Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г. Актуальные проблемы правового регулирования государственной монополии на осуществление внешнеэкономической деятельности // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 136—153. DOI: 10.12737/jrl.2020.125

Правовые формы организации внешнеэкономической деятельности. Обращение к проблематике государственной монополии в сфере внешнеэкономической деятельности (далее — ВЭД) приобретает особую актуальность в современных условиях, когда происходит отказ от некоторых идей глобализации мировой экономики. На начальной стадии экономических реформ,

предполагавших приватизацию государственных предприятий, реформаторы заявили об отказе от государственной монополии на ВЭД. Однако в настоящее время вновь возникла проблема защиты национальной экономики от воздействия внешних экономических неблагоприятных факторов (например, экономических санкций). Важность проведения государственной внеш-

ней экономической политики может быть проиллюстрирована примером экономического взаимодействия Китая и США как при подготовке проекта двустороннего торгового соглашения, так и впоследствии при осуществлении недружественных действий, толкуемых как начало «торговой войны»¹.

Внешняя политика государства направлена на достижение прежде всего экономических целей, нередко путем осуществления экономической экспансии как продолжения колониальной политики. При этом государство может «прятаться» за частные коммерческие компании, которые реализуют экономическую политику государства. Такой подход был традиционно характерен для Британии, которая проводила свою политику по формированию Британской империи через деятельность негосударственных частных компаний (например, Ост-Индскую компанию, Московскую компанию) и (или) физических лиц — пиратов-каперов, получавших от Британской короны патент на пиратство².

Для обращения к теме о роли государства во внешнеэкономиче-

ской деятельности поводом послужил ряд обстоятельств. В период проведения в России экономических реформ, направленных на либерализацию, в зарубежных странах происходили важные изменения организационно-правовых форм управления деятельности внешней торговли страны. Государственные органы и различные организации получили право осуществлять ВЭД, конкурируя на равных с местными производителями. Появились новые международные договоры и соглашения, например соглашения о поощрении и защите инвестиций. Одновременно были приняты законы, направленные на имплементацию международно-правовых норм и регулирование ВЭД, осуществляемой в той или иной правовой форме. Организация внешнеэкономической деятельности, осуществляемой в форме торговли услугами, результатами интеллектуальной деятельности, а также участие государства в создании международных институтов развития международного оборота (стандартные формы контракта, институт международного инвестиционного арбитража для разрешения споров с участием государства и др.) потребовали переосмысления существа известного института государственной монополии. С этой целью в ряде стран были приняты законы по кодификации, консолидации и совершенствованию действующего законодательства в области внешней торговли и внешнеэкономической деятельности³.

¹ См.: *Graff N. de, Apeldorn B. van. US—China Relations and the Liberal World Order: Contending Elites, Colliding Visions // International Affairs. 2018. Vol. 94. P. 113—131.* О хронологии взаимных недружественных действий см.: URL: <https://www.china-briefing.com/news/the-us-china-trade-war-a-timeline>. О возобновлении торговых переговоров см.: URL: <https://www.vox.com/world/2019/6/29/19870814/us-china-trade-negotiations-restart-donald-trump-tariff-huawei-concessions>.

² Деятельность пиратов препятствовала освоению новых земель конкурирующими государствами в лице Испании, Португалии, Франции, Голландии. Таким образом, создавалась видимость непричастности государства к проведению внешней экономической политики. См.: *Копелев Д.* Пиратство в XVI—XVIII веках. На острие мировой политики. СПб., 2013. Также см.: *Тарле Е.* Политика. М., 2001.

³ См., например, законодательство США: Комплексный закон о конкуренции и торговле 1988 г. (Omnibus Trade and Competitiveness Act). Положение ст. 301 Закона о торговле 1974 г. (Trade Act) предусматривает, что государство проводит внешнюю политику путем принятия решений в одностороннем порядке (unilaterally), что было подтверждено Законом 1988 г., который консолидировал действующее законодательство в области внешнеэкономической деятельности в одном акте, предусмотрев

Реорганизация различных форм управления ВЭД происходила с использованием всех преимуществ государственной монополии внешней торговли. В США государственная монополия на внешнеэкономическую политику была отражена в Законе о торговле 1974 г. Введенный в действие односторонний порядок принятия решений в области внешней политики по существу предусматривает реализацию государственной монополии на внешнеэкономическую деятельность. Позднее, в 1988 г., решая задачу «быстрой» имплементации результатов ведения Уругвайского раунда переговоров по созданию Всемирной торговой организации, действие Закона о торговле было дополнено положением о том, что при ведении переговоров в рамках действия соглашений ВТО государство осуществляет монополию на внешнеэкономическую деятельность через институт Торгового представителя США⁴.

В России в основе правового регулирования внешней торговли всегда лежал принцип государственной монополии внешней торговли. Это соответствует и современному положению вещей. «В ведении Российской Федерации находится... внешнеэкономическая деятельность Российской Федерации». Этот принцип, закрепленный в ст. 71 Конституции РФ, конкретизируется в меж-

передачу полномочий президента по ведению переговоров по созданию Всемирной торговой организации (ВТО) государственному институту исполнительной власти — торговому представителю США.

⁴ Управление торгового представителя США (United States Trade Representative, USTR) входит в администрацию президента США. Это правительственное агентство (министерство) США занимается разработкой торгового законодательства США, включая составление двусторонних и многосторонних торговых соглашений, координацию внешнеторговой политики. См.: Экономика. Толковый словарь / сост. Дж. Блэк; общ. ред. И. М. Осадчая. М., 2000.

дународных договорах, заключаемых нашей страной с иностранными государствами⁵. Институт государственной монополии на внешнюю политику, внешнюю торговлю, внешнеэкономическую деятельность является важным принципом международного права и исходным началом для межгосударственного сотрудничества. Правовая доктрина основывается на том положении, что на внешнем рынке сделки совершают самостоятельные субъекты гражданского права (юридические лица), а государство необходимо осуществляет организационные, а не оперативно-хозяйственные функции.

Государственная монополия на внешнюю, в том числе внешнеэкономическую, политику является атрибутом суверенитета государства, которым пользуются все участники международных отношений независимо от их идеологической направленности⁶. Исторически применение

⁵ Статья 79 Конституции РФ устанавливает возможность для России участвовать в межгосударственных объединениях и передавать часть своих полномочий в соответствии с международными договорами. Эта норма лежит в основании осуществления государственной монополии внешнеэкономической деятельности в рамках международных региональных объединений. См. об этом: Конституция Российской Федерации. Федеральные конституционные законы «О государственном флаге Российской Федерации», «О государственном гербе Российской Федерации», «О государственном гимне Российской Федерации» / автор историко-правового комментария М. В. Баглай. 4-е изд. М., 2014. С. 22. См. также: Брагинский М. И. Участие советского государства в гражданском правоотношении. М., 1981. С. 154.

⁶ Российская академия наук подготовила и издала монографию об истории участия России в международных отношениях, в которой предложила системный подход к рассмотрению истории международных договоров, сложившаяся в 1582—1583 гг., продемонстрировала удивительную жиз-

института государственной монополии внешней торговли в России основывалось на четком разграничении государственно-политических и оперативно-хозяйственных функций во внешней торговле и внешнеэкономической деятельности. Об этом свидетельствуют примеры из практики разрешения коммерческих споров в конце 1950-х гг.⁷

При вынесении решений Внешнеторговая арбитражная комиссия (ВТАК)⁸ при определении примени-

мости и просуществовала в неизменном виде вплоть до 1990-х гг. Для сохранения этой системы русской дипломатии пришлось вести упорную борьбу» (От царства к империи. Россия в системе международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века / отв. ред. С. Рыбатенок. М.; СПб., 2015. С. 67).

⁷ Так, Внешнеторговой арбитражной комиссией при Торгово-промышленной палате СССР рассматривался спор по иску израильской фирмы «Джордан инвестментс лимитед» к В/О «Союзнефтеэкспорт». Международный коммерческий арбитраж подтвердил международно-правовую природу института государственной монополии внешней торговли, его связь с внешней политикой и действием международного права. Спор был связан с установлением ответственности за неисполнение договорного обязательства в коммерческой деятельности и поэтому первым вопросом, который рассматривал ВТАК, был вопрос о применимом праве. См.: Сборник информационных материалов. Секция права Всесоюзной торговой палаты. 1961. Вып. XI. С. 23—27.

⁸ ВТАК была учреждена на основании постановления ЦИК и СНК от 17 июня 1932 г. № 281 «О Внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате» и проработана в качестве «постоянно действующего третейского суда для рассмотрения споров, возникающих из сделок по внешней торговле». Учреждая ВТАК, Россия стремилась перенести рассмотрение споров из внешнеэкономических связей на российскую территорию. В числе оснований, послуживших принятию решения об учреждении ВТАК, следует назвать разбирательство спора между близкой к банкрот-

ного права к спорным отношениям основывалась на особенности статуса всесоюзного объединения как хозяйственно-оперативной организации⁹. Соответственно, при реше-

нию английской компанией *Lena Goldfields*, инициированное компанией против Советского государства в феврале 1930 г. на основании арбитражной оговорки о разрешении спора арбитражем *ad hoc* в Стокгольме. Спор возник по причине отказа британской компанией производить работы в соответствии с соглашением. Компания ссылалась на отсутствие условий для производства работ. Спустя три месяца после начала разбирательства Советский Союз, предъявивший встречный иск, заявил о прекращении своего участия в разбирательстве, выдвинув несколько важных новаторских идей, не теряющих актуальности до сих пор: 1) применение норм, не имеющих связи с какой-либо национальной системой, применяя «общие принципы права»; 2) право большинства арбитров проводить разбирательство и принимать решение в отсутствие меньшинства (одного арбитра); 3) проблема права «компетенции-компетенции» (*kompetenz-kompetenz*), т. е. право арбитража признавать себя компетентным разрешать спор, вытекающий из автономности арбитражного соглашения (см.: *Veeder V. V. The Lena Goldfields Arbitration: the Historical Roots of the Three Ideas // International and Comparative Law Quarterly*. 1998. Vol. 47. Part 4. P. 747; см. также: *Видер В. В.* Советско-американский арбитражный процесс Гарримана: Ллойд Джордж, Ленин и канибалы // *Международный коммерческий арбитраж*. 2005. № 2. С. 93—108).

⁹ Решение вопроса о правовом статусе советского внешнеторгового объединения упрощалось ввиду того, что оно являлось государственной организацией и расхождения между его государственной принадлежностью и национальностью возникнуть не могло. «Если же национальность юридического лица мыслится как синоним его статуса, то возникает коллизийный вопрос: пользуясь своей коллизийной нормой, суд или административный орган данного государства совершает “выбор закона” и может в подлежащих случаях признать, что данная организация имеет своим статутом ту

нии вопроса о применимом праве ВТАК руководствовалась коллизионным критерием места учреждения советской стороны в споре. И именно поэтому правом, по которому ВТАК разрешала спор, было избрано российское право. Заметим, что вопросам реализации государственной монополии внешней торговли, применяемым к ВЭД, посвящен курс международного частного права Л. А. Лунца, который признан классикой отечественной науки гражданского и международного частного права¹⁰. Законодательное закрепление указанная доктрина получила лишь в настоящее время. Так, в соответствии со ст. 1202 ГК РФ личным законом юридического лица считается право страны, где учреждено юридическое лицо. При этом в соответствии с личным законом решаются вопросы об ответственности учредителей (участников) юридического лица.

Что касается существа спора, приведенного в качестве иллюстрации к вопросу о государственной монополии внешней торговли, то рассматриваемый спор возник

или иную иностранную правовую систему, т. е. речь идет о юридическом лице, подчиненном закону иностранного государства» (Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002. С. 367—368).

¹⁰ Российская доктрина международного частного права следует разграничению понятий «личный статут», «государственная принадлежность» субъекта внешнеэкономической деятельности. В этом заключается отличие аналогичных понятий в доктрине зарубежных стран. «Каковы бы ни были признаки, устанавливающие личный статут юридического лица, они в условиях капитализма оказываются по меньшей мере недостаточными для определения государственной принадлежности коммерческих предприятий... Для выявления национальности юридического лица надо определить, кем и из какого государства данная компания контролируется, с кем связана ее коммерческая деятельность» (Лунц Л. А. Указ. соч. С. 200).

из контракта на поставку 650 тыс. т мазута в течение 1957—1958 гг. Контракт был заключен между фирмой и всесоюзным объединением в июле 1956 г. Объединение не выполнило обязательств по контракту в связи с запретом его исполнения Министерством внешней торговли СССР. Причиной запрета было участие Израиля в агрессивной войне против Египта, с которым СССР связывали положения международного торгового соглашения.

По правовому заключению Института Макса Планка по этому делу, представленному 13 декабря 1957 г., был сформулирован вопрос, который ставил под сомнение возможность применения института государственной монополии в СССР. Вопрос заключался в следующем: можно ли в мировой торговле в отношении иностранного контрагента ссылаться на указания верховной власти как на форс-мажор, если в отношениях с иностранным контрагентом обстоятельством, освобождающим от ответственности за неисполнение договорного обязательства, является указание верховной власти, вызванное действием другого органа того же государства? «Все системы права содержат тот принцип, что выполнение договорного обязательства, которому препятствует неизбежное обстоятельство и непреодолимая сила, юридически невозможно и что должник поэтому должен быть освобожден от исполнения своих обязанностей»¹¹.

Приведенный аргумент о признании юридической невозможности исполнения контракта в связи с неизбежным обстоятельством или непреодолимой силой стал основанием для отказа истцу в его претензии к всесоюзному объединению возместить и убытки, связанные с закупкой мазута у другого поставщика. Признание действий госу-

¹¹ Поздняков В. С. Советское государство и внешняя торговля. Правовые вопросы. М., 1976. С. 78.

дарства «неизбежным обстоятельством» означает признание принципа государственной монополии на осуществление внешней политики, управление внешней торговли. Министерство внешней торговли СССР в то время реализовало свою компетенцию в качестве органа государства, ответственного за реализацию принципа монополии государства на ВЭД. Признание полномочий Министерства означало признание функции, предоставленной суверенному государству, исходя из международного принципа суверенитета государства и связанного с ним принципа государственной монополии внешней торговли¹². В качестве элементов реализации монополии государства следует также выделить торговые представительства, учреждавшиеся на основании двусторонних международных соглашений, внешнеторговые (внеэкономические) объединения, наделенные статусом юридического лица, систему лицензирования экспортных операций. Механизм разрешения внешнеэкономических споров, представленный ВТАК, несмотря на независимый статус Комиссии как института международного коммерческого арбитража, входил в систему реализации монополии государства. Разрешение споров, давало основания для обобщения судебной практики и совершенствования

¹² «Не подлежит сомнению, что такое общепризнанное (хотя и нарушающееся некоторыми судами капиталистических стран) начало международного частного права, как судебный иммунитет иностранного государства, вытекает из принципа суверенитета, являющегося краеугольным камнем международного публичного права. То же относится и к государственной монополии внешней торговли, и к валютной монополии, признание которых вытекает из основного начала международного публичного права и имеет (в области внешнеторговых сделок) определяющее значение для международного частного права» (*Луиц Л. А.* Указ. соч. С. 48).

ния регулирования в области внешнеэкономических связей.

Применение института государственной монополии внешней торговли в зарубежном законодательстве и судебной практике. В современных условиях либерализация ВЭД и массовая приватизация в нашей стране, а также расширение объема международного торгового оборота, рост объема инвестиций позволяют продолжать рассматривать государственную монополию внешней торговли в качестве важнейшего института государственного управления. Следует, однако, признать, что изменение условий потребовало изменения внешних форм реализации монополии государства на ВЭД. Опыт зарубежного регулирования и законодательство зарубежных государств, а также практика рассмотрения внешнеторговых споров 1980-х гг. подтверждают данное предположение.

В конце 1970-х гг. обращение к принципу государственной монополии внешней торговли получило широкое обсуждение за рубежом в связи с реализацией в СССР крупного национального проекта по строительству экспортного газопровода по трассе Уренгой — Ужгород. В советской внешней торговле проект предусматривал не только использование советского и иностранного оборудования в строительстве газопровода, но и поставку на долгосрочной основе газа из СССР в западноевропейские страны. В целом он отвечал всем признакам современных национальных проектов, так как представлял собой систему взаимосвязанных внешнеторговых контрактов и гражданско-правовых договоров¹³.

¹³ Советскими внешнеторговыми организациями были заключены контракты на поставку оборудования для газопровода с итальянской фирмой «Ноуово-Пиньоне» и консорциумом двух фирм «Маннесман» и французской «Крезо-Луар», выступающими в качестве генеральных постав-

Для противодействия конкуренции со стороны социалистических стран США обратились к институту государственной монополии внешней торговли, приняв акты, направленные на ограничение экспорта новых технологий и продукции, произведенной с использованием новых технологий. При этом институт государственной монополии на внешнюю торговлю был использован как экономическое средство давления на внешнюю политику стран Западной Европы. Как отмечалось зарубежными специалистами, «важнейшей целью американского подхода к научно-технологическому сотрудничеству и обмену технологиями было не допустить приобретения социалистическими странами высокотехнологичных товаров, которые имеют стратегическое значение, страной происхождения которых являются США»¹⁴.

В 1979 г. в США был введен в действие Закон о регулировании экспорта (Export Administration Act — ЕАА), согласно которому экспорт всех товаров подлежит лицензированию. Контролю подлежат не только товары, но и техническая информация. В список контроли-

чиков, а также контракты с отдельными фирмами — непосредственными производителями соответствующего оборудования. Учитывая субпоставщиков по контрактам, заключенным генеральными поставщиками, поставки для газопровода будут производиться из ряда капиталистических стран многими фирмами, в частности, помимо упомянутых, французскими «Альстом — Атлантик» и «Дрессер», западногерманскими «АЕГ-Канис» и «Демаг», английской «Джон Браун», японской «Ничимен», финской «Метекс» (см.: Кожевников О. В., Смирнов П. С. Советский газопровод, американские «санкции» и международное право // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 108).

¹⁴ Dahl H. U. S. Restrictions on High Technology Transfer: Impact Abroad and Domestic Consequences // Columbia Journal of Transnational Law. 1987. Vol. 26. P. 27.

руемых товаров и технологий включены различные товары, для экспорта которых выдается индивидуальная лицензия. Разрешительному порядку был подчинен также реэкспорт контролируемых товаров, т. е. экспорт этих товаров зарубежными компаниями. Актом государственной монополии внешней торговли, касающимся строительства газопровода советским внешнеторговым объединением, стало решение Министерства торговли США от 22 июня 1982 г., которое распространило действие закона ЕАА на всех лиц, находящихся под юрисдикцией США. Под действие решения попадали граждане США, лица, постоянно находящиеся в США, любая корпорация, созданная по праву США, а также любая корпорация или организация, которая контролируется вышеназванными лицами, независимо от места учреждения или места основной деятельности. В 2018 г. был принят Закон об экспортном контроле (Export Control Act), заменивший ЕАА, однако не изменивший по сути систему регулирования и контроля за экспортом.

Введение в действие института государственной монополии внешней торговли США обеспечивалось деятельностью международной организации КоКом (Координационный комитет стран — членов НАТО по осуществлению контроля над экспортом в социалистические страны; CoCom — Coordinating Committee for Multilateral Export Control (или иначе International Export Control Coordinating Committee)), которая, следуя оценке зарубежных специалистов, является «инструментом навязывания странам-членам экспортных ограничений, эквивалентных установленным США в отношении СССР и других социалистических стран»¹⁵. Благодаря существованию КоКом аналогичные инстру-

¹⁵ Columbia Journal of Transnational Law. 1987. Vol. 26. P. 29. Также см.: Советское государство и право. 1983. № 3. С. 109.

менты внешней политики стали частью законодательства стран Западной Европы о внешнеэкономической деятельности. Следуя скоординированной внешней политике, на основании действий международной организации были приняты ограничения экспорта высокотехнологичной продукции.

Как основание применения института государственной монополии ВЭД в ряде стран были приняты специальные законы об ограничениях экспорта (например, в Испании¹⁶, Франции¹⁷). Подобное регулирование было принято и в странах Восточной Европы (Польша), Латинской Америки (Бразилия, Аргентина)¹⁸. В Испании государственную монополию внешней торговли отражает приказ Министерства экономики от 5 июня 1985 г., принятый в целях защиты интересов страны происхождения товара и ограничивающий реэкспорт импортированной технологии и товаров¹⁹. Он основан на действии Декрета от 27 декабря 1985 г., который применяется ко всем видам экспорта: «Экспорт осуществляется в соответствии с принципом свободы предпринимательской деятельности с учетом ограничений, предусмотренных в настоящем Декрете» (ст. 1). Согласно оценке зарубежных специалистов, «хотя и провозглашена свобода коммерческой деятельности как общая норма, введенные ограничения мало что от этой свободы оставляют»²⁰. Критика ограничительной политики США, представленная и в советской печати, касалась прежде всего экс-

территориального действия американского экспортного законодательства.

Последующее развитие событий показало, что регулирование США оказало влияние на международный рынок подобно действию компании, занимающей монопольное положение на национальном рынке. Нарушение условия добросовестной конкуренции заключалось в попытке государства распространять действие своего закона на территории иностранного государства. Как указывалось в литературе, такое экстерриториальное действие закона, какой был придан Закону о торговле 1974 г. в США, является источником правового, экономического и политического конфликта²¹. Чтобы избежать негативных последствий односторонних действий в форме установления экспортного контроля, потребовалось обращение к двусторонним и многосторонним соглашениям в области торговли и инвестиций. В современных условиях действует система взаимосвязанных международных инвестиционных соглашений, и заключение соглашений о защите капиталовложений стало обычной практикой.

В ряде стран после принятия ограничений в отношении реэкспорта американской высокотехнологичной продукции были введены в практику (по согласованию с Госдепартаментом США) так называемые соглашения о защитных мерах (*safeguard agreements*). Так, после закупки Индией суперкомпьютера Кибер-205 в такое соглашение было включено условие о запрете передачи технологии суперкомпьютера в другие страны, особенно в Советский Союз, а также использования машины для производства ядерного вооружения.

В современном международном праве правила регулирования внешней торговли стали предметом

¹⁶ См.: Decree no. 3150 of December 15, 1978 // Rep. Cron. Legis. 1979 / 150-51; Royal Decree No. 2701. December 27, 1985 // Rep. Cron. Legis. 1986. 1463.

¹⁷ См.: Decree of April 18. 1939 Avis of December 5, 1985 // J. O. 1985. No. 282. P. 3.

¹⁸ Подробнее см.: *Dahl H.* Op. cit.

¹⁹ См.: Boletín Oficial del Estado (BOE). June 6, 1985.

²⁰ *Dahl H.* Op. cit. P. 33.

²¹ Международное частное право: современные проблемы. М., 1994. С. 247.

многосторонних соглашений. Влияние на внутригосударственное регулирование стран — участниц многосторонних соглашений отражено в понятии «торговля услугами», которая, как правило, связана не с пересечением границы объектом торговли, а с коммерческим присутствием поставщика или потребителя услуг в другом государстве²². В результате развития международно-договорной практики ВЭД выделилась в самостоятельную область отношений, где основную роль играет координация государственного регулирования. Внешнеэкономическая деятельность как самостоятельная область международного сотрудничества была окончательно оформлена с учреждением Всемирной торговой организации, правовую основу которой составляют два базовых многосторонних международных соглашения: в области торговли товарами (ГАТТ) и в области торговли услугами (ГАТС), в которых определен правовой режим ВЭД.

Зарубежное законодательство о внешнеэкономической деятельности свидетельствует о становлении самостоятельного института государственной монополии внешней торговли. Междисциплинарное исследование экономики и права позволяет использовать методологию поиска баланса публичных и частных интересов. Результатом применения такой методологии стало появление автономных систем договоров как в международном, так и во внутригосударственном праве. Согласно институциональному анализу событий второй половины XX в. на международных рынках сформировалось новое отношение к понятию «институт» в сфере ВЭД,

применительно к автономным системам договоров. «Институты есть нечто большее, нежели отражение суммы волеизъявлений индивидуальных “акторов”»²³.

Роль государственной монополии внешнеэкономической деятельности в региональных объединениях. В действующем региональном объединении «Европейский Союз» полномочия по реализации института государственной монополии ВЭД были переданы на международный уровень, что потребовало высшей степени координации внешнеэкономической политики²⁴. О важной роли государственной монополии ВЭД в рамках Европейского Союза свидетельствуют усилия по созданию Североатлантического Союза, который базируется на международном экономическом сотрудничестве государств североамериканского и европейского континентов и является основой правового регулирования движения капиталов²⁵.

Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (Transatlantic Trade and Investment Partnership — TTIP) предположительно основывалось на полномочии Евросоюза вести переговоры о создании нового типа регионального объединения. Это не воспрепятствовало тому, что каждое государство-участник реализовало свой интерес, опираясь на институт государственной монополии внешнеэкономической деятельности²⁶. Об этом

²³ Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / пер. с англ. И. Кушнаревой. М., 2013.

²⁴ См.: Strengthening Regulatory Transparency: Insights for the GATS from the Regulatory Reform Country Reviews // Working Party of the Trade Committee. Organization for Economic Cooperation and Development. Dist. 2000. April 12.

²⁵ Hansen-Kuhn K., Suppon S. Promises and Perils of the TTIP. October 2015.

²⁶ An Open Letter From Lawyers to the Negotiators of the Transpacific Partnership Urging the Rejection of Investor-State

²² См.: Государственное регулирование экономической деятельности в условиях членства России во Всемирной торговой организации, Евразийском экономическом сообществе и Таможенном союзе: монография / отв. ред. И. В. Ершова. М., 2016.

свидетельствует практика Евросоюза по заключению международных соглашений о защите инвестиций нового типа. В 2018 г. завершилась процедура имплементации Соглашения между ЕС и Вьетнамом о свободной торговле, переговоры по заключению которого были начаты в 2015 г.²⁷ В связи с расхождением процедуры имплементации были заключены два соглашения: Соглашение о свободной торговле и Соглашение о защите инвестиций. Для ратификации соглашения о защите инвестиций потребовалось одобрение не только Европейского совета и Европейского парламента, но и каждого из государств — членов ЕС. Соглашение предусматривало нормы о порядке доступа на рынок товаров и услуг, порядке регулирования государственных закупок и порядке урегулирования инвестиционных споров.

Создание регионального объединения по типу трансатлантического партнерства заставило по-новому оценить роль международного права в достижении баланса интересов договаривающегося государства и международного сообщества, создаваемого на основе международного договора. Поиск баланса между частным и публичным интересом в международно-правовых отношениях основан на применении института государственной монополии ВЭД как одного из институтов международного права. Он является отражением принципа суверенитета государства. По словам Л. А. Лунца, это «вытекает из основного начала международного публичного права и имеет (в области внешнеторговых сделок) определяющее значение для международного частного права»²⁸.

При создании Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) государств Восточной Европы изна-

чально не планировалась юридическая «наднациональность» или сверхгосударственность этой организации, а скорее подчеркивалась ее международно-правовая природа²⁹. СЭВ рассматривался как орган равноправного сотрудничества государств. В числе принципов сотрудничества государств так называемого социалистического блока, которые противопоставлялись буржуазно-демократическим принципам, известный специалист в сфере международного права Е. Т. Усенко указывал на следующие принципы его функционирования: добровольность и равноправие. При этом провозглашаемый принцип равноправия ученый противопоставлял принципу «формального» равноправия, поскольку первый предполагал необходимость учитывать разный уровень экономического развития интегрирующихся государств³⁰.

Существовавшее в дореформенный период противопоставление разных для стран капитализма и социализма сложившихся форм реализации государственной монополии на внешнюю торговлю, с одной стороны, служило частным интересам — вытеснению конкурентов с мировых рынков, а с другой стороны, обеспечивало защиту национальных, т. е. публичных, интересов государства в их конкурентной борьбе за рынки сбыта³¹. В круг го-

²⁹ См.: Грингольц И. А. Международные хозяйственные организации в странах — членах СЭВ (понятия и виды) // Ученые записки ВНИИСЗ. Вып. 28. М., 1973.

³⁰ См.: Усенко Е. Т. Формы регулирования социалистического международного разделения труда. М., 1965. С. 80—121.

³¹ В современных условиях актуальной является проблема реализации «права на равные условия развития» (right to equal development) — проблема, которая была поставлена в отдельных документах ООН в 1970-е гг. и не потеряла актуальности в наши дни. Подробнее см.: Wang Xigen, Tang Yong. The Right to Equal Development and its Practice Models in China // Frontiers of Law in

сударственных экономических интересов входило сохранение своей доли участия на мировом рынке. При этом инструментом реализации государственной монополии внешней торговли служат двусторонние торговые соглашения, в которых фиксируются объемы планируемых поставок товаров для экспорта и импортных контрактов³².

Решению проблемы защиты национальных интересов и суверенитета государств-участников посвящена деятельность международной торговой системы ВТО. Иными словами, и в современных условиях государственная монополия на ВЭД остается эффективным инструментом защиты государства от угрозы экономического неравенства и дискриминации в международном праве. Вне зависимости от смелых утверждений о торжестве либерализма и об отказе от каких-либо форм вмешательства государства в частнопредпринимательскую деятельность, включая внешнюю торговлю, государство вправе заявить свои претензии другому государству-партнеру и повлиять на национальное регулирование в государстве, чья внешнеэкономическая политика создала угрозу для экономики участника ВТО.

Договорно-правовые инструменты регулирования внешнеэкономической деятельности. С переходом на систему рыночных отношений изменились правовые формы организации ВЭД, однако действие правового института государственной монополии внешнеэкономической деятельности осталось неизменным. Согласно разъяснению Комитета Организации по экономиче-

скому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) по вопросу применения Генерального соглашения по торговле услугами, действующего в рамках ВТО, вопросы государственной монополии в рамках регуляторной реформы тесно переплетаются с проблемой транспарентности мер, принимаемых относительно внешнеэкономической деятельности физических и юридических лиц в национальном законодательстве государства — члена ВТО. Особенностью современного развития международного экономического сотрудничества является то, что движение товаров постепенно вытесняется перемещением капиталов как более динамичным и экономичным способом сотрудничества. Это не может не отразиться на регулировании вопросов монополии государства как принципа регулирования ВЭД. Государство все больше внимания уделяет регулированию вопросов перемещения капиталов.

Институт государственной монополии ВЭД находит выражение в национально-правовых законах, судебной практике отдельных государств, в частности в признании и исполнении судебных и арбитражных решений в связи с возникновением споров в области ВЭД³³, а также в актах индивидуального характера, отражающих меры регулирования, принимаемые государством в целях защиты своих интересов. В настоящее время все большее

China. 2015. Vol. 10. No. 4. P. 570—592; *Liao Yi*. Realizing the Right to Development Through Judicial Reform: the Strategic Connection and Practical Integration // *Frontiers of Law in China*. 2015. Vol. 10. No. 4. P. 593—621.

³² См.: Экспортно-импортные операции. Правовое регулирование / под ред. В. С. Позднякова. М., 1970. С. 85—94.

³³ В данном случае «судебная практика» понимается в широком смысле как практика государственных и негосударственных юрисдикционных органов, представленных органами международного коммерческого арбитража, а также иными международными юрисдикционными органами, например Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) (International Centre for Settlement of Investment Disputes — ICSID), учрежденного в соответствии с Вашингтонской конвенцией 1965 г. Россия, подписав Конвенцию в 1991 г., ее не ратифицировала.

значение приобретают договорные формы управления ВЭД. Об этом свидетельствуют и изменения в российском законодательстве в части правового регулирования внешнеэкономической деятельности.

К международным договорным формам (в смысле международных межгосударственных соглашений) регулирования внешнеэкономических связей относятся соглашения о поощрении и защите капиталовложений в Российской Федерации. Указанные соглашения предусматривают участие органов государства (как федеральных, так и субъектов Федерации), муниципальных органов исполнительной власти, а также организаций, уполномоченных заключать подобные соглашения. Обязательства, принимаемые государствами в рамках таких соглашений, касаются установления правового режима деятельности иностранных инвесторов на территории договаривающихся государств. Такие соглашения нередко содержат условия о порядке разрешения споров, в том числе некоторые из них включают условия о разрешении споров в МЦУИС.

В 2016 г. Правительством РФ был принят Регламент заключения международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций³⁴. Регламент определяет условия заключаемых соглашений, однако его природа представляется неясной, например в

случае проведения переговоров и согласования иных, чем это предусмотрено в Регламенте, условий. В целом следует признать, что Регламент исходит из явно устаревшей так называемой проинвесторской модели соглашений о защите капиталовложений³⁵. Так, согласно Регламенту (п. 38) споры, возникающие между инвестором одного договаривающегося государства и другим договаривающимся государством, «разрешаются в порядке, предусмотренном договором, законодательством такой другой стороны договора или письменной договоренностью между указанным инвестором и такой другой стороной». Норма, предусмотренная Регламентом, определяет режим, который мало отличается от практики рассмотрения инвестиционных споров МЦУИС, уже подвергнутой критике. В реформируемой в настоящее время международной системе разрешения инвестиционных споров договаривающиеся государства избегают обращения к юрисдикции иностранного государства, если стороной в споре является орган государства или организация, уполномоченная представлять интересы государства.

Проблема с правовым механизмом защиты и поощрения иностранных капиталовложений усложняется еще и тем, что в России принят Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (далее — Закон № 69-ФЗ), который направлен на регулирование внутренних правоотношений, при этом предусматривается, что международные договоры Российской Федерации (включая международные межгосударственные соглашения о защите и поощрении капиталовложений) применя-

³⁴ Утв. постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2016 г. № 992 «О заключении международных договоров Российской Федерации по вопросам поощрения и защиты инвестиций». Данным постановлением отменено действие постановления Правительства РФ от 9 июня 2001 г. № 456 «О заключении соглашений между Правительствами Российской Федерации и правительствами иностранных государств о поощрении и взаимной защите капиталовложений», которым была установлена форма типового межгосударственного соглашения о защите капиталовложений.

³⁵ Подробнее см.: *Доронина Н. Г., Семилотина Н. Г.* Значение двусторонних соглашений о защите капиталовложений и перспективы их совершенствования // Журнал российского права. 2017. № 9.

ются к отношениям, регулируемым настоящим Федеральным законом, непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта.

Соединение элементов публичного и частного права отражают также и другие положения соглашений о защите и поощрении капиталовложений, заключаемых в рамках российского законодательства. Ключевой фигурой в соглашении является инвестор. Инвесторами могут быть частные лица — российское физическое или юридическое лицо либо два лица или более, действующие без образования юридического лица по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности), которые осуществляют инвестиционную и (или) хозяйственную деятельность, а также иностранный инвестор. Согласно Закону № 69-ФЗ сторонами «внутреннего» соглашения о защите и поощрении капиталовложений (не являющегося международным договором по своей природе) являются публично-правовое образование (ст. 10) и организация частного права, реализующая инвестиционный проект. По внутреннему соглашению о защите и поощрении капиталовложений каждое публично-правовое образование, являющееся его стороной, обязуется обеспечить организации, реализующей проект, неприменение в отношении нее актов (решений) соответствующих органов государственной власти, которые будут изданы (приняты) и которые указаны в ч. 1—3, 9 ст. 9 (стабилизационная оговорка), а сторона, реализующая проект, имеет право требовать неприменения таких актов (решений), которые при реализации инвестиционного проекта исходят от соответствующего публично-правового образования. При этом стороной «внутреннего» соглашения могут быть также Российская Федерация и (или) муниципальные обра-

зования. Для муниципальных образований важно, чтобы одновременно стороной такого соглашения являлся субъект РФ, на территории которого реализуется соответствующий инвестиционный проект. Соглашение выполняет функцию организации автономной системы договоров, регулирующих отношения между инвесторами и государством — заказчиком инвестиционных проектов, договоров между инвестором и поставщиками товаров, исполнителями работ и услуг, подчиняя их достижению общей цели реализации инвестиционного проекта.

Следствием Закона № 69-ФЗ может стать терминологическая путаница, которая затруднит применение терминов в зарубежных (международных) юрисдикционных органах (подобно тому, как это происходило с практикой использования понятия «арбитраж» в отношении государственных арбитражных судов)³⁶. Та-

³⁶ Категории «арбитраж», «арбитражное разбирательство», «арбитражный суд» в России нередко используются не в классическом понимании, сложившемся за рубежом и в международной практике, применяемом исключительно в отношении негосударственных, третейских судов, а в ином, «чисто российском, понимании», иногда вводящем в замешательство зарубежных коллег. Так, известен случай попытки исполнения решения Арбитражного суда г. Москвы в Австрии на основании Нью-Йоркской конвенции, положения которой применяются только в отношении решений негосударственного международного коммерческого арбитража. См.: Интервью с А. С. Комаровым о 25-летию Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», о 60-летию Нью-Йоркской конвенции, о судьбах арбитража в России и не только об этом // Вестник международного коммерческого арбитража. 2018. № 1. С. 25. Такое положение сложилось исторически: изначально прообразом государственных арбитражных судов были арбитражные комиссии, формировавшиеся в соответствии с Декретом ВЦИК, СНК РСФСР от 21 сентября 1922 г., утвердившим Положение о порядке разре-

кой подход не способствует укреплению принципа защиты внешних экономических интересов Российской Федерации и реализации принципа монополии государства на ВЭД.

Проблемы реализации монополии на внешнеэкономическую деятельность в современных условиях и перспективы ее развития. Современные условия осуществления ВЭД демонстрируют происходящие изменения, связанные с возрастанием значения регулирования движения капиталов. Перемещение капиталов выступает не только проявлением развития бизнеса частных лиц, но и формой проведения геополитики, выражающейся в недобросовестной конкурентной борьбе (например, путем введения запретов и ограничений, адресованных предприятиям с участием капитала из страны, вводящей санкции), недобросовестном заимствовании технологий и технологических решений.

В связи с этим обратим внимание на то, что доминирующая роль США в значительной степени во многом предопределялась и продолжает определяться комплексным подходом к регулированию внешней экономической политики. Такой подход нашел отражение в Комплекс-

шения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями. В соответствии с указанным Положением «имущественные споры между государственными учреждениями и предприятиями разрешаются арбитражными комиссиями, действующими на основании сего Положения в центре при Совете труда и обороны и на местах при областных экономических совещаниях, поскольку эти споры согласно общим законам не разрешаются внутри ведомства». Подробнее см.: *Дорогина Н. Г., Семилотина Н. Г., Цирина М. А.* Проблемы разрешения споров, вытекающих из экономических отношений, в современных условиях (практика негосударственных юрисдикционных органов) // Вестник международного коммерческого арбитража. 2017. № 1. С. 25—57.

ном законе о торговле и конкуренции, принятом еще в 1988 г. (Omnibus Trade and Competitiveness Act) (далее — Закон 1988 г.) Данный Закон консолидировал все нормативные акты, касающиеся правового регулирования внешней торговли и иностранных инвестиций, в том числе Закон об оценке иностранных инвестиций 1976 г., Закон о коррупции за рубежом 1977 г., а также законы в области регулирования внешней торговли, определяющие содержание правового режима деятельности иностранных инвесторов на территории США.

В Закон 1988 г. до сих пор по мере необходимости вносятся изменения и дополнения, к числу которых можно отнести поправку Эксон-Флорио, ставшей Законом Эксона — Флорио, касающимся вопросов защиты национальной экономической безопасности США, в том числе в связи с привлечением иностранного капитала и деятельностью Комитета по иностранным инвестициям в США (Committee on Foreign Investment in the United States — CFIUS) в качестве межведомственного комитета правительства США, уполномоченного рассматривать вопросы влияния иностранных инвестиций, как прямых, так и портфельных, на безопасность США. Комитет уполномочен рассматривать любые дела, связанные с контролем как за уже созданными и работающими предприятиями с иностранным капиталом, так и создаваемыми (которые предполагается учредить на территории США)³⁷.

³⁷ В качестве примера из практики США по информации аналитических материалов CIFIUS в 2016 г. президент США Б. Обама запретил завершение сделки, предусматривающей передачу китайской фирме Fujian Grand Chip Investment Fund активов расположенной на территории Германии фирмы Aixtron, в которой присутствовала доля американского капитала. При этом Б. Обама основывал свой запрет на Законе США об оборонной продукции 1950 г.

В 2007 г. в США был принят Закон об иностранных инвестициях и национальной безопасности США (Foreign Investment and National Security Act). Наконец, в 2018 г. вступил в действие инициированный администрацией президента США Д. Трампа Закон о модернизации оценки рисков иностранных инвестиций (Foreign Investment Risk Review Modernization Act — FIRREA). Перечисленные выше акты направлены на усиление контроля государства за привлекаемыми инвестициями. Кроме того, в рамках FIRREA были упорядочены процедуры рассмотрения дел и проведения расследований в рамках CIFIUS.

Для сравнения: Россия весной 2019 г. столкнулась с проблемой обеспечения стеклотарой заводов в Крыму. Проблема возникла в связи с приобретением доли в предприятии «Кавминстекло» американским концерном, после чего «Кавминстекло» объявило о прекращении поставок тары в Крым из-за санкций. По словам основателя винодельни Uppa Winery П. Швеца, из-за того что «Кавминстекло» отказывается работать с крымскими предприятиями напрямую, его компания заказывает бутылки через московскую компанию: «Это удивительная история, поскольку компания зарегистрирована в России, она платит налоги в бюджет, но отказывается поставлять в Крым». Компании «Массандра», «Новый Свет», «Инкерман» и Севастопольский винодельческий завод предупреждают, что «понесут колоссальные убытки в связи с остановкой производства в самый разгар туристического сезона в Крыму». Бутылки разрабатываются на предприятии специально под заказчика и имеют определенную форму, поэтому перенос их выпуска на другое предприятие займет длительное время³⁸.

Учитывая изложенное, необходимо констатировать, что реализа-

ция государством монополии в современных условиях сохраняет актуальность, однако меняются формы ее реализации. С учетом опыта зарубежного регулирования целесообразными видятся следующие меры, которые будут способствовать защите национальных интересов при реализации внешней экономической политики:

наличие законодательного акта или нескольких актов, определяющих принципы реализации такой монополии, и органа (или органов) государственного регулирования, ответственного за применение законов;

распространение принципа монополии (государственного регулирования) не только на формально внешние (т. е. зарубежные) отношения, но и на внутренние, связанные с регулированием иностранных капиталовложений на территории принимающего государства; распространение полномочий органа или органов на такие отношения и наделение его (их) достаточными полномочиями, в том числе связанными с приостановлением деятельности иностранных инвесторов в случае несоответствия деятельности таких инвесторов национальным интересам государства;

активное участие и представление экономических интересов государства в международных соглашениях, в том числе при участии в многосторонних (например, ВТО, ЕАЭС и др.), двусторонних (в том числе торговых, о защите и поощрении капиталовложений, об устранении двойного налогообложения и др.) соглашений, а также при взаимодействии с международными экономическими организациями и объединениями (например, МВФ, МБРР, ЮНКТАД, ЭКОСОС, ЕС и др.);

обеспечение защиты экономических интересов России (в том числе российских предпринимателей) при разрешении споров, связанных с осуществлением ВЭД, в юрисдик-

³⁸ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3954035> (дата обращения: 15.09.2019).

ционных органах, в том числе национальных, иностранных и международных как государственных, так и негосударственных; обобщение и анализ такой практики с целью выработки предложений по обеспечению защиты (в том числе с опережающей перспективой) нацио-

нальных интересов, включая интересы как государства (России), так и национальных предпринимателей как на территории зарубежных государств, так и на территории Российской Федерации, в случаях недобросовестных действий иностранных инвесторов.

Библиографический список

Dahl H. U. S. Restrictions on High Technology Transfer: Impact Abroad and Domestic Consequences // *Columbia Journal of Transnational Law*. 1987. Vol. 26.

Graff N. de, Apeldorn B. van. US—China Relations and the Liberal World Order: Contending Elites, Colliding Visions // *International Affairs*. 2018. Vol. 94.

Hansen-Kuhn K., Suppon S. Promises and Perils of the TTIP. October 2015.

Liao Yi. Realizing the Right to Development Through Judicial Reform: the Strategic Connection and Practical Integration // *Frontiers of Law in China*. 2015. Vol. 10. No. 4.

Strengthening Regulatory Transparency: Insights for the GATS from the Regulatory Reform Country Reviews // Working Party of the Trade Committee. Organization for Economic Cooperation and Development. Dist. 2000. April 12.

Veeder V. V. The Lena Goldfields Arbitration: the Historical Roots of the Three Ideas // *International and Comparative Law Quarterly*. 1998. Vol. 47. Part 4.

Wang Xigen, Tang Yong. The Right to Equal Development and its Practice Models in China // *Frontiers of Law in China*. 2015. Vol. 10. No. 4.

Брагинский М. И. Участие советского государства в гражданском правоотношении. М., 1981.

Видер В. В. Советско-американский арбитражный процесс Гарримана: Ллойд Джордж, Ленин и каннибалы // *Международный коммерческий арбитраж*. 2005. № 2.

Государственное регулирование экономической деятельности в условиях членства России во Всемирной торговой организации, Евразийском экономическом сообществе и Таможенном союзе: монография / отв. ред. И. В. Ершова. М., 2016.

Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли / пер. с англ. И. Кушнareвой. М., 2013.

Грингольц И. А. Международные хозяйственные организации в странах — членах СЭВ (понятия и виды) // *Ученые записки ВНИИСЗ*. Вып. 28. М., 1973.

Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г. Значение двусторонних соглашений о защите капиталовложений и перспективы их совершенствования // *Журнал российского права*. 2017. № 9.

Доронина Н. Г., Семилютина Н. Г., Цирина М. А. Проблемы разрешения споров, вытекающих из экономических отношений, в современных условиях (практика негосударственных юрисдикционных органов) // *Вестник международного коммерческого арбитража*. 2017. № 1.

Интервью с А. С. Комаровым о 25-летию Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже», о 60-летию Нью-Йоркской конвенции, о судьбах арбитража в России и не только об этом // *Вестник международного коммерческого арбитража*. 2018. № 1.

Кожевников О. В., Смирнов П. С. Советский газопровод, американские «санкции» и международное право // *Советское государство и право*. 1983. № 3.

Конституция Российской Федерации. Федеральные конституционные законы «О государственном флаге Российской Федерации», «О государственном гербе Российской Федерации», «О государственном гимне Российской Федерации» / автор историко-правового комментария М. В. Баглай. 4-е изд. М., 2014.

Копелев Д. Пиратство в XVI—XVIII веках. На острие мировой политики. СПб., 2013.

Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002.

Международное частное право: современные проблемы. М., 1994.

Поздняков В. С. Советское государство и внешняя торговля. Правовые вопросы. М., 1976.

Тарле Е. Политика. М., 2001.

Усенко Е. Т. Формы регулирования социалистического международного разделения труда. М., 1965.

Экономика. Толковый словарь / сост. Дж. Блэк; общ. ред. И. М. Осадчая. М., 2000.

Экспортно-импортные операции. Правовое регулирование / под ред. В. С. Позднякова. М., 1970.

Current Problems of State Monopoly Regulation of the Foreign Economic Activity

N. G. Doronina, N. G. Semilyutina

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow 117218, Russian Federation

E-mail: gis.doronina@yandex.ru; foreign3@izak.ru

DOI: 10.12737/jrl.2020.125

Legal regulation of foreign economic activity in Russia and abroad during economic reforms is based on using of the institute of state monopoly of foreign trade. The changes in international legal regulation that have taken place under the influence of the economic relations' globalization (the creation of the World Trade Organization) have shown how important this legal institution plays in the context of international trade liberalization. The novelties of Russian legislation in this area of relations also show this. They relate to civil contracts as a legal form of implementation of social functions of the state.

The structure of the article includes an analysis of the current practice of using the institute of state monopoly of foreign economic activity. The article analyzes the legal forms of organization of foreign economic activity in which the state has historically implemented its functions to protect national interests, modern methods of international turnover in foreign legislation, as well as the main tools for regulating relations in this field of activity — international agreements and civil law agreements.

Keywords: foreign trade, foreign economic relations, state monopoly, competition law, investment protection treaties.

For citation: Doronina N. G., Semilyutina N. G. Current Problems of State Monopoly Regulation of the Foreign Economic Activity. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 10, pp. 136—153. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2020.125

References

Braginskiy M. I. Soviet State Participation in Civil Relationship Moscow, 1981. 190 p. (In Russ.)
Dahl H. U. S. Restrictions on High Technology Transfer: Impact Abroad and Domestic Consequences. *Columbia Journal of Transnational Law*, 1987, vol. 26.

Doronina N. G., Semilyutina N. G. Sense of the Bilateral Treaties on Protection of Investments and its Perspectives. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2017, no. 9, pp. 119—129. DOI: 10.12737/article_599d74427a3661.81423193 (In Russ.)

Doronina N. G., Semilyutina N. G., Tsirina M. A. Problemy razresheniya sporov, vytekayushchikh iz ekonomicheskikh otnosheniy, v sovremennykh usloviyakh (praktika negosudarstvennykh yurisiktsionnykh organov). *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha*, 2017, no. 1.

Экономика. Толковый словарь. Ed. by G. Blek, I. M. Osadchaya. Moscow, 2000.

Export Import operations. Legal Matters. Moscow, 1970. (In Russ.)

Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomicheskoy deyatel'nosti v usloviyakh chlenstva Rossii vo Vsemirnoy torgovoy organizatsii, Evraziyskom ekonomicheskom soobshchestve i Tamozhennom soyuze. Ed. by I. V. Ershova. Moscow, 2016.

Graff N. de, Apeldorn B. van. US—China Relations and the Liberal World Order: Contending Elites, Colliding Visions. *International Affairs*, 2018, vol. 94.

Greyf A. Instituty i put' k sovremennoy ekonomike. Uroki srednevekovoy torgovli. Moscow, 2013.

Gringol'ts I. A. International Enterpreneural Organizations in COMECON Countries. *Uchenye zapiski VNIISZ*, 1973, iss. 28. (In Russ.)

Hansen-Kuhn K., Suppon S. Promises and Perils of the TTIP. October 2015.

Interv'y u A. S. Komarovym o 25-letii Zakona RF "O mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe", o 60-letii N'yu Yorkskoy konventsii, o sud'bakh arbitrazha v Rossii i ne tol'ko ob etom. *Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha*, 2018, no. 1.

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Federal'nye konstitutsionnye zakony "O gosudarstvennom flage Rossiyskoy Federatsii", "O gosudarstvennom gerbe Rossiyskoy Federatsii", "O gosudarstvennom gimne Rossiyskoy Federatsii". Ed. by M. V. Baglay. 4th ed. Moscow, 2014.

Kopelev D. Piratstvo v XVI—XVIII vekakh. Na ostrie mirovoy politiki. St. Petersburg, 2013.

Kozhevnikov O. V., Smirnov P. S. Sovetskiy gazoprovod, amerikanskie "sanktsii" i mezhdunarodnoe pravo. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1983, no. 3.

Liao Yi. Realizing the Right to Development Through Judicial Reform: the Strategic Connection and Practical Integration. *Frontiers of Law in China*, 2015, vol. 10, no. 4.

Lunts L. A. Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava. Moscow, 2002.

Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sovremennye problemy. Moscow, 1994.

Pozdnyakov V. S. The Soviet State and Foreign Trade. Legal Questions. Moscow, 1976. (In Russ.)

Sbornik informatsionnykh materialov. Sektsiya prava Vsesoyuznoy trgovoy palaty. 1961. Iss. XI.

Strengthening Regulatory Transparency: Insights for the GATS from the Regulatory Reform Country Reviews. *Working Party of the Trade Committee. Organization for Economic Cooperation and Development*. Dist. 2000. April 12.

Tarle E. Politika. Moscow, 2001.

Usenko E. T. Forms of the socialist cooperation Moscow, 1965. (In Russ.)

Veeder V. V. The Lena Goldfields Arbitration: the Historical Roots of the Three Ideas. *International and Comparative Law Quarterly*, 1998, vol. 47, part 4.

Vider V. V. Sovetsko-amerikanskiy arbitrazhnyy protsess Garrimana: Lloyd Dzhordzh, Lenin i kannibaly. *Mezhdunarodnyy kommercheskiy arbitrazh*, 2005, no. 2.

Wang Xigen, Tang Yong. The Right to Equal Development and its Practice Models in China. *Frontiers of Law in China*, 2015, vol. 10, no. 4.